

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ! В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует
король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным
покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне

Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес
Первая жизнь, вторая жизнь
Кукла затворника
Осколки хрустальной мечты
Шепот горьких трав
Обет без молчания
О чем молчит ветер
Нерассказанная сказка
Шахерезады
Призраки забытых могил
Тревожное эхо пустыни
Я знаю, кто меня убил
Жена Синей Бороды

Сериал
«Сокровища князей
Шаховских»
Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

ОЛЫГА
ВОЛОДАРСКАЯ

КАРМА
ФАМИЛЬНЫХ
БРИЛЛИАНТОВ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Карма фамильных бриллиантов : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181050-4

Все называли ее старой ведьмой. За глаза! В лицо не смели, зная, какой Элеонора Шаховская была злопамятной... Прощать она не умела, зато мстила изобретательно! Всем без исключения, даже тем, кого когда-то любила...

Главную семейную реликвию — огромный бриллиант, подаренный одному из предков самой Екатериной Великой, — она спрятала, а указания, как его искать, зашифровала, чтобы наследники перегрызли друг другу глотки... Так она мстила, не предполагая, что это приведет к убийству двух человек. И едва не погубит внучку Анну, единственного человека, которому Элеоноре не за что было мстить...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2023
ISBN 978-5-04-181050-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Человек медленно поднимался по лестнице, держа в руке «браунинг», и торжественно думал о том, что час расплаты пробил и совсем скоро стерва получит по заслугам. Вот сейчас она вернется домой, вся из себя роскошная, уверенная, успешная: подкатит к дому на своем крутом джипе, войдет в подъезд, поднимется на свой этаж, выпорхнет из лифта, шагнет к двери и остолбенеет, увидев *его*...

Да, она остолбенеет, эта сучка, потому что никак не ожидает увидеть его здесь. И уж никак не ожидает мести! Думает, что ей все сошло с рук. Только зря! Такие, как она, роскошные, самоуверенные, успешные, иногда получают по заслугам. А уж ей, этой гадине, давно пора преподать урок!

Человек, не сдержав злорадного смешка, преодолел последнюю ступеньку и, перебросив «браунинг» из одной руки в другую (на обеих были вязанные перчатки), нырнул за стоявшую в фойе (а попросту на лестничной клетке) кадку с пальмой. Он был не уверен, что стерва вернется скоро, но готов был ждать сколько угодно, ведь месть, как известно, блюдо, которое поедают холодным...

Часть I

День первый

Ева

Ева вышла из супермаркета и, поевшись от холода, быстро направилась к своему джипу, забралась в просторный салон, поспешно скрываясь от колючего зимнего ветра. Устроившись, швырнула на заднее сиденье пакет с покупками, стряхнула с белокурых волос снежинки, аккуратно провела подушечками пальцев по нижним векам, стирая несуществующие потеки туши, и затем посмотрела на себя в зеркало. Как и следовало ожидать, отражение было безупречным — влагостойкий макияж Евы Новицкой не могли испортить ни ветер, ни снег, ни мороз, а ее красоту — ни недосып, ни похмелье, ни насморк (в данный момент она страдала от всех этих напастей вместе взятых).

Одобрительно улыбнувшись своему отражению, Ева завела мотор. Пока машина грелась, ее хозяйка поглядывала в окно, прикидывая, в каком направлении двинуть, чтобы побыстрее выехать со стоянки супермаркета. После осмотра периметра Ева пришла к неутешительному выводу — куда ни поверни, везде пробки, а у шлагбаума очередь, как на границе с Литвой в дни забастовки таможенников.

— Чертовы праздники! — выругалась Ева сквозь зубы. — Все как с ума посходили! — Она долбанула

кулаком по клаксону, заметив, что какая-то идиотка прокатила нагруженную тележку в опасной близости от хромированного бампера ее джипа. — Убила бы... — рыкнула она. И в сердцах добавила: — Кто бы знал, как же я ненавижу Новый год!

Да, Ева на самом деле ненавидела Новый год. Как и Рождество, и Пасху, и прочие семейные праздники. Когда народ носился по магазинам в поисках подарков, ломал голову над тем, какое угощение приготовить, чтоб всех удивить, украшал дома дурацкими гирляндами, она ходила раздраженная и злая, презируя всех вокруг. Ее бесило общее лицемерие — Ева не верила, что все эти люди, увешанные пакетами с бездарными подарками, скупающие елки, шампанское, красители для яиц, искренне радуются приближению праздника, замирая от восторга в его предвкушении, а не совершают привычный и обязательный ритуал. А сами торжества... Разве могут семейные сборища за ломящимся от жратвы и выпивки столом доставить удовольствие нормальному человеку? Только пьяницам, для кого праздник — законный повод надраться, да вечно голодающим дурам, позволяющим себе разговляться только на Новый год и Пасху, и еще престарелым тетушкам, коих родственники так редко приглашают в гости, что в другое время трудно найти слушателя, готового внимать рассказам на тему «А вот в наши годы...».

Представляя такие вот «праздники», Ева всякий раз передергивалась и радовалась тому, что у нее нет семьи. Ей уже исполнилось тридцать три, но она не обзавелась ни мужем, ни детьми, а с родственниками отношений не поддерживала. Даже с близкими — от-

цом и братом, не говоря уже о всяких двоюродных племянницах, тетях и дядях. Ни с теми, ни с другими Ева не хотела иметь ничего общего! Особенно с отцом, старым бандюганом по кличке Вульф, проводшим на зоне полжизни и передавшим свои дурные наклонности сыну. Тот — милый мальчик Денис Новицкий, он же нежный пидорок Дусик, он же несостоявшийся поп-стар Дэнис — едва не прибил приживалку своей бабки, Аньку Железнову, за что загремел туда, откуда полжизни не вылезал его папаша.

Как говорится — яблоко от яблони... Видно, на генном уровне Дусику передалась тяга к насилию. А как иначе? Воспитывала Дениску и Еву (Ефросинью от рождения) бабка, которая с отцом, тюремным завсегдатаем, детям видеться не позволяла, боясь как раз дурного влияния. И вот, поди ж ты, не уберегла внучка! Хотя могла бы, если бы в юности из дома его не выгнала. А она именно так и сделала! Как увидела Дусика, целующегося в подъезде с парнем, так и вышвырнула его из квартиры и из своей жизни. Только из сердца долго вышвырнуть не могла. Любила, но не прощала — Элеонора Новицкая, Евина бабка, прощать не умела. И в этом Ева пошла в нее!

Ева все же выехала со стоянки, едва не протащив какой-то «жигуль», мешавший ей. Но не успела набрать приличную скорость, как пришлось остановиться на светофоре — по закону подлости красный загорелся сразу, как только она к нему подкатила. Чтобы во время стоянки не видеть, как по тротуарам носятся ополоумевшие от предновогодней суеты москвичи, а

ряженные в Дедов Морозов магазинные зазывалы заманивают идиотов несуществующими скидками и бонусами, принялась красить губы. Пока ждала, когда загорится зеленый, к машине то и дело подбегали попрошайки, пытаясь выклянчить у владелицы роскошного джипа мелочь на хлебушек, лекарства, билет до дома, новый протез и так далее. На все эти просьбы Ева отвечала полным равнодушием. Она никогда не подавала милостыню, даже тем, кто явно в ней нуждался. Ее не трогали страдания обманутых вкладчиков, нищих старух, безногих афганцев и голодающих в далекой Африке детей. Ведь не зря ее величали «стервой» в глаза и «отпетой сукой» за глаза. Не зря журналисты, обожающие описывать скандальные выходы известной певицы Евы Шаховской, нарекли ее «ведьмой». И не зря мужики, все эти разномастные козлики, с деньгами и без оных, из-за нее плакали, страдали, изнывали, пытались покончить с собой...

Да, и такое было! Двое брошенных ею мужчин чуть не отправились на тот свет (один резал вены, второй травился), обоих, правда, спасли (первый взял тупую бритву, второй выпил до смешного мало таблеток), но не это суть важно, главное — без нее они не хотели жить, а что не умерли, даже хорошо: зачем ей ненужные угрызения совести, от них цвет лица портится...

Надо сказать, что сукой Ева была не всегда. Излишне самоуверенной, слегка заносчивой, порой надменной, но не более чем остальные красавицы, выросшие в отдельных арбатских квартирах и ни в чем не нуждающиеся. Когда-то она даже плакала из-за мальчиков и комплексовала из-за своего дурацкого имени. Но это было давно, классе в третьем. Потом уже маль-

чки плакали из-за нее, а имя она поменяла, велев всем величать себя Евой...

Уже в тринадцать Ева слыла первой красавицей школы. На нее ходили смотреть старшеклассники, а ребята-одногодки дрались из-за ее портфеля. Когда ей исполнилось четырнадцать, за ней стали ухаживать самые завидные «женихи» школы, но Ева, внимающая бабушке, как царице небесной, не обращала на них внимания.

«Будь приветлива, но холодна, — наставляла та внучку. — Ты же не хочешь, чтобы они решили, будто ты легкая добыча. Флиртуй, обнадеживай, но держи их на расстоянии. Всему свое время!»

В шестнадцать Ева решила, что время пришло — ей очень понравился парень из соседнего двора: молодой человек с эффектной внешностью и блестящими перспективами (на тот момент он перешел на четвертый курс МГУ). Они гуляли по ночной Москве, обнимались за столиками кафе, целовались по-взрослому, с языком. Ева так им увлеклась, что хотела отвадить остальных поклонников, но тут опять вмешалась бабушка:

«Не надо никого отваживать! Пусть вьются вокруг тебя. Чем их больше, тем лучше. Красивой женщине нужна свита и пара запасных вариантов!»

Ева, как всегда, послушалась, и правильно сделала, потому что студент ей через месяц надоел, а ему надоели детские обжимания за столиками, и они расстались. На место убившего прибыла замена в лице друзей-курсантов, и Ева опять почувствовала себя в своей стихии. Она кокетничала, очаровывала, обнадеживала и ускользала, ускользала...

Ее любили, по ней сходили с ума. И причиной были не только ее красота, ум, женственность, но и умение подать себя. В то время, когда все девчонки щеголяли в джинсах с рваными коленками, в косухах, бейсболках, кедах, обвешивались кожаными браслетами, шнурками, феньками, она носила исключительно юбки, все элегантной длины до колена, модельные туфли, скромные золотые украшения. Ева умеренно красилась, не начесывала волосы в стог, но умудрялась быть модной. Ей подражали, фасоны ее платьев перерисовывали, чтобы заказать в ателье подобные, но никому не удалось стать хоть чуть-чуть похожей на нее. Ни у одной из девочек, включая дочерей дипломатов и внучек завмагов, не было такой портнихи, как у Евы Новицкой, такого вкуса, как у Евы Новицкой, такого чутья, как у Евы Новицкой, потому что у них не было такой бабушка, как у Евы...

Ева старалась во всем подражать Элеоноре. Она для нее была воплощением идеальной женщины. Часами девушка рассматривала старые фотографии бабушки и поражалась ее умению в любых обстоятельствах выглядеть сногшибательно. Даже на пикники Элеонора ездила не в спортивных штанах, на фоне тренировочно-панамочных теток она в светлых бриджах, удобных туфельках на низком каблуке, шляпке-канотье смотрелась, как герцогиня среди крестьянок... Ранним утром, только встав с постели, Элеонора облачалась в элегантное домашнее платье, шлепки на каблук, подкрашивалась сразу после умывания, делала прическу. Ни один мужчина не видел ее в бигуди, с маской на лице. «Есть леди, которые выглядят, как шлюхи, — говорила Элеонора своей подружке Вете

Голицыной, когда та начинала над ней подсмеиваться. — А есть шлюхи, выглядящие, как леди. Я из последних...» Ева эту фразу запомнила и взяла на вооружение.

...Первая кошка между бабушкой и внучкой пробежала в год, когда Ева заканчивала школу. Несмотря на блестящие способности к математике и языкам, девушка не собиралась поступать в институт (ее идеал — бабка высшего образования не имела, значит, ей это тоже не обязательно), но Элеонора настаивала. «Сейчас не те времена, чтобы без профессии оставаться — неразбериха, бардак, никакой стабильности, — втолковывала она Еве. — Да и мужик уже не тот, сам норовит бабе на шею сесть. Учись, пока бесплатно в вузы принимают, через пару годков только за деньги будут...»

Ева сделала вид, что вняла уговорам, а сама решила так: пока сдаю выпускные экзамены, ищу богатенького мужичка, за которого по-быстрому выхожу замуж, живу с ним пару лет, потом развожусь, меняю его квартиру, продаю свою часть и с деньгами возвращаюсь на Арбат под крылышко любимой бабули. Сомнений в том, что кандидат в супруги найдется так быстро, как она пожелает, у Евы не было — к ней мужики липли, словно мухи. А уж женить на себе прилипшего ей казалось делом плевым. Влюбить в себя, очаровать, раззадорить, а когда он будет умирать от желания ею обладать, заявить, что она девственница и намеревается лишиться невинности только после свадьбы... И куда он после этого денется? Женится, естественно, женится как миленький...

Все-таки здорово, думала Ева, что бабушка втолко-

вала ей, какой ценный товар девичья честь. «Храни девственность до замужества, — всегда говорила Элеонора. — Супруг это оценит... при разводе...» И Ева хранила! Однако лишилась ее не с мужем (она ни разу не зарегистрировала свои отношения) и не с любимым, а с каким-то алкашом-авангардистом, который писал ее портрет в стиле «ню»...

Но произошло это не в выпускное лето, а чуть позже... После того как бабушка из кумира превратилась в тайного врага! А случилось это так...

Ева, не нашедшая достойного жениха до начала июля (именно тогда все ее одноклассники ринулись подавать документы для поступления в вузы), решила попытать удачи на ниве творчества, то есть поступить в ГИТИС на актерский факультет. Профессия хорошая, достойная такой красавицы, а главное, не требующая, как Еве казалось, больших физических затрат: вышла, нарядная, к камере, покривлялась — и спи, отдыхай... С этими мыслями Ева отнесла документы в институт. Ее не смутил тот факт, что она совершенно не подготовлена, не испугал конкурс (тридцать человек на место), а мыслей о своей бесталанности она и не допускала.

Первый отборочный тур Ева прошла со скрипом. Спасла ее только красота, не оставившая равнодушным председателя комиссии. Однако всем, в том числе и абитуриентке, стало ясно — после второго тура ее отсеют. С этой бедой Ева побежала к бабушке. Элеонора, презиравшая неудачников, велела внучке «кровь из носу» поступить, а в помощь выделила одного из своих многочисленных поклонников — политического комментатора Баумана Андрона Евгеньевича, окон-

чившего некогда театральный институт. Пятидесятирехлетний Андрон был хорош собой, воспитан, интеллигентен, сексуален, умел прекрасно выглядеть и складно говорить. Он имел жену, официальную любовницу, кучу поклонниц, но это не мешало ему страдать по Элеоноре Новицкой. Ей в ту пору перевалило за семьдесят, и время уже оставило печать на ее лице в виде морщинок, однако она нисколько не подурнела, казалось, годы только красят ее. Несмотря на то что Элеонора никогда не делала пластики, выглядела она прекрасно: не на сорок пять, как многие поклонницы эстетической хирургии, а на пятьдесят семь. Ухаживала она за собой истово: каждый день делала гимнастику, маски из целого продуктового набора (огурцы, клубника, мед, тертый картофель — чего она только не мазала на лицо), протирала кожу льдом, много спала, пила только сухое красное вино. В результате имела девичью фигуру и моложавое лицо. А магнетизм и очарование, как известно, с возрастом не испаряются, поэтому мужчины по-прежнему обожали ее.

Андрон Бауман был одним из многих, но для Евы стал единственным.

Она влюбилась в него на первом же занятии. Он читал ей стихотворение, показывая, как это надо делать, а она слушала и таяла. Он признавался в любви какой-то незнакомке от лица поэта Есенина, а Еве казалось, что он, Андрон Бауман, изливает ей свою душу. К концу занятия Ева увязла в своем чувстве по макушку.

Они встречались еще дважды, все больше сближаясь. Бауман видел, как млеет в его присутствии юная красавица, но держал дистанцию — с несовершенно-

летними связываться было опасно. Но когда Ева сама прыгнула к нему на колени и припала своими жаркими губами к его рту, он не мог не ответить, девчонка оказалась безумно сексуальной. Они страстно целовались, лежа на диване, когда бабушка с Дусиком пришли проведать Еву. Увидев, что вытворяет с ее внучкой Андрон (лифчика на Еве уже не было, вместо него грудь поддерживали ладони Баумана), Элеонора пришла в бешенство. «Старый кобель! — орала она. — Да как ты посмел?! Дотронуться до нее? Я тебя за это в тюрьму упеку! Как совратителя малолетних!» «Совратитель» чуть не умер на месте от стыда и страха, но ему на помощь пришла Ева. Так же экспрессивно, как бабушка, она стала доказывать, что Андрон не виноват, это она, Ева, его соблазнила...

«Ты хотела отдаться этому павлину щипаному?» — ужаснулась бабушка. «Я люблю его! — провозгласила внучка. — И выйду за него замуж!» Тут пришла очередь ужасаться Андрону. Он не собирался менять свою супругу на семнадцатилетнюю сикуюшку, о чем тут же сообщил ей и бабушке, после чего был изгнан и навсегда отлучен от дома. Сразу после этого Элеонора повела Еву к гинекологу, дабы убедиться в том, что ее девственности не нанесен урон. Врач ее успокоил — внучка оставалась невинной, но Элеонора все равно приняла меры: посадила Еву под домашний арест, чтобы та не довела дело до конца. Выпустили ее из-под замка через неделю, когда все поклонники бабушки, молодые и старые, были разогнаны. Элеонора пожертвовала ими ради внучки. Раз они так падки на свежее мясо, а Ева так равнодушна к старенькому, нечего вводить и их, и ее в искушение.

После этого Элеонора внучке доверять перестала: она блюла ее, регулярно таскала к гинекологу. Ева же, смертельно обиженная бабушкиным недоверием, все еще страдающая по Андрону, потихоньку стала бабушку ненавидеть. Она обвиняла ту в эгоизме, самодурстве, вмешательстве в личную жизнь, а главное, в том, что бабушка разрушила ее счастье... Наивная Ева не хотела верить в то, что Андрон забыл о ней по собственному желанию, ей думалось, это бабка его застрадала.

Через два года, в девятнадцать с половиной, Ева отдалась художнику-авангардисту. Некрасивому, молодому, страдающему алкоголизмом мужику. Она решила: чем хуже, тем лучше! Не дала мне сделать *это* с красивым и любимым, вот тебе, получай! Евина месть осталась незамеченной — как раз в день, предшествующий плановому осмотру, Дусик умудрился нарисоваться со своим любовником перед Элеонорой, за что был изгнан из дома...

После этого Ева бабку окончательно возненавидела! А спустя несколько лет выжила из собственной квартиры, отселив в халупу на окраине.

Отомстила! Показала, кто умнее и хитрее...

Вернее, думала, что показала. А потом выяснилось, что показали ей... Кукиш! Шиш с маслом! Голый зад! Американский «фак» безымянным пальцем...

Старая ведьма переиграла молодую! Завещала баснословно дорогую и невероятно редкую коллекцию фамильных украшений (*фамильных драгоценностей* князей Шаховских, к роду которых принадлежала бабка, а значит, и Ефросинья!) своей приживалке Аньке Железновой, которая, как утверждала Элеоно-

ра, приходилась дочерью ее сводному брату, а по мнению Евы, просто была средством отомстить ей самой — в их родство она не верила. Единственная не верила. Остальные приняли выскочку Аньку за настоящую княжну и даже не пикнули, когда та присвоила себе фамильные цацки.

При воспоминании о коллекции старинных украшений, уплывших из-под носа, Ева помрачнела еще больше. Два с лишним года прошло с того времени, а она все не могла успокоиться. Ей было до смерти обидно, что настоящие произведения ювелирного искусства, можно сказать, шедевры, достались голодранке Аньке, выросшей в загаженной коммуналке и ни черта не смыслившей в драгоценностях, тем более антикварных. Особенно Ева страдала из-за одного кольца. Бабка, до того как рассориться с внучкой, то и дело надевала его своей Фросеньке на шею, чтобы та привыкала к нему, поскольку почти три века оно являлось фамильной реликвией, наследуемой старшими дочерьми той ветки рода Шаховских, которая пошла от именитого пращура бабки — князя Андрея Илларионовича. Колье это было роскошным, а камни в нем — огромными. Цена этой «безделушки» явно зашкаливала за миллион (точной суммы Ева не знала, ибо реликвию никто не оценивал — фамильные сокровища, как известно, бесценны), но Ева мечтала о колье не из-за стоимости. Просто для нее владение семейной драгоценностью было делом принципиальным. Она считала себя законной наследницей — не по документам, а по крови, голубой крови (о матери-простолюдинке и дедушке «из простых» она не вспоминала), поэтому так жаждала заполучить кольцо. Заполучи-

чить и любоваться им, и гордиться им, и хвалиться — чтобы все эти выскочки из Дворянского собрания, у которых есть лишь липовые грамоты, передохли от зависти!

Но колье Еве так и не досталось. Оно ушло, как и многое из бабкиной коллекции, чмошнице Аньке. За это Ева ее всей душой возненавидела... А впрочем, за чем кривить этой самой ненавидящей душой? Уж себе-то можно признаться, что не только и не столько в цацках дело. Дело в том, что чмошнице Аньке досталось гораздо большее сокровище — роскошный мужик, лапочка, душка: адвокат Петр Моисеев, в которого Ева по-настоящему влюбилась. Впервые за многие годы! С тех самых пор — с Андрона! Да так, что сама себе удивлялась. Навязывалась ему, ничего не требуя взамен, себя предлагала, как последняя шлюха... А он...

А он ее отверг!

Нет, правильнее будет сказать — отшил. Яростно, холодно, обидно!

А потом женился на чмошнице Аньке! Потасил под венец, как положено, привел в свой дом, сделал эту дуру хозяйкой. Кто-то говорит «любовь», но Ева уверена — корысть. Падок оказался душка адвокат на княжеские сокровища! Истинной наследнице рода Шаховских, утонченной красавице Еве, предпочел Аньку Железнову, ныне богатую наследницу старой Элеоноры, а некогда лохушку из коммуналки...

— Черт, жаль, что Дусик ее тогда не прибил! — зло рыкнула Ева, как делала всякий раз, вспоминая о своей так называемой родственнице.

Настроение от этих воспоминаний еще больше ис-

портилось, и Ева, едва сдерживая злость, гнала по трассе, спеша быстрее попасть домой. Там уютно, комфортно, мило, там удобный диван, махровый халат, носки из верблюжьей шерсти, там можно скинуть с себя элитные шмотки, стереть с лица влагостойкий макияж, юркнуть в кровать и валяться, попивая любимую перцовку (и для успокоения нервов хорошо, и при простуде) и тупо пялясь в телевизор. Кто бы знал, как в последнее время Ева уставала от своей публичности, от тусовочной жизни, от этого чертового гламура! Хотелось плюнуть на все и, закрывшись в квартире, лопать запретные булки, пить горилку, ходить в верблюжьих носках, халате и хлопковых трусах, а главное, никого не видеть: ни журналюг, ни козликов-поклонников, ни фанатов, ни собратьев по тусовкам, ни своего продюсера...

С этими отнюдь не приятными мыслями Ева подала к своему дому. Поставив машину на привычное место, она выбралась из салона, прихватив пакет с купленным провиантом. У двери замешкалась, доставая магнитный ключ от подъезда, но все ж таки выудила его из кармана, открыла.

В фойе, на месте консьержа, сидела генеральша Астахова — старожилка этого старого-престарого дома в историческом центре Москвы. Бабка Еву ненавидела, но виду не подавала, поскольку боялась связываться со стервозной соседкой. Раньше она с удовольствием выплескивала на нее свою ненависть, но как только на место консьержа был пристроен старухин внук, стала с Евой предельно ласкова. Вот и теперь, едва увидев ее на пороге, растянула губы в вымученной улыбке и проскрипела:

— Здравствуй, Евочка, здравствуй, дочка... — Ева в ответ приветливо кивнула — несмотря ни на что, к старой гримзе она относилась с долей симпатии. Боевая бабка держала в узде весь подъезд, давая тем самым Еве повод считать ее человеком своей породы — породы стерв. А бабка тем временем продолжала: — А я вот Стасика своего подменяю. Пока он в уборную бегаёт. Всего на минуточку отлучился... Первый разочек за весь день.

На самом деле лентяй Стасик отлучался по пять раз на дню и на гораздо больший срок, но Еве не было до этого дела. Тем более что престарелой генеральской вдове она больше доверяла, чем ее шалопутному внуку, — точно знала, мимо этой гримзы без разрешения и мышь не проскочит, к тому же ее не купишь, не напугаешь, не перехитришь, а значит, наглые поклонники и предприимчивые фанаты не просочатся в подъезд Евиного дома...

— А к тебе гость, — крикнула вслед Еве генеральша. — Ждет на площадке. Я разрешила ему на диванчике посидеть...

— Гость? — переспросила та без особого удивления — к ней часто заскакивал ее продюсер без предварительной договоренности, и Ева просила его впускать в подъезд, в котором специально для таких вот визитеров стояли кресла, диваны и даже вешалки для одежды. — Гоша, что ли? Продюсер?

Астахова скривила своим морщинистые губы, изобразив, по-видимому, загадочную улыбку, и таинственно ответила:

— Сюрприз-и-из! Предновогодний!

Ева раздраженно закатила глаза, но приставать к